

ОТКЛИКЪ

на рѣчь преп. семинаріи Н. А. Чернолѣскаго, произнесенную имъ при прощаніи съ бывшимъ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Николаемъ.

Прощаясь съ бывшимъ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Николаемъ, Н. А. Чернолѣсскій въ своей отъ начала до конца правдивой рѣчи къ о. ректору сказалъ между прочимъ: „наша духовная милодежь, отзывчивая на все доброе и прекрасное, за вашу отеческую любовь къ нимъ...полюбила васъ искренне и горячо и если бы воспитанники находились въ настоящія минуты здѣсь, среди нихъ нашлись бы лица, которыя сумѣли бы выразить вамъ горячія чувства любви и благодарности“ (№ 16 Tobol. Епарх. Вѣдом. стр. 393—394).

Эти слова Н. А. какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ истинѣ: дѣйствительно, бывшій о. ректоръ, этотъ, по мѣткому выраженію Н. А., „добрый геній“ семинаріи, пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ питомцевъ семинаріи; дѣйствительно, его уходъ, будь питомцы семинаріи въ сборѣ, не прошелъ бы безслѣдно, пезамѣтно, но вызвалъ бы если не громкое и пышное, то теплое и искреннее чувствованіе... На долю Тобольскихъ семинаристовъ не часто выпадаетъ счастливая возможность выражать симпатіи своимъ наставникамъ,

зато при первомъ представившемся случаѣ они широко пользуются этой возможностью-горячо благодарятъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе трудился на ихъ благо. Чествованія архимандрита Евѳимія (Лапина), пынѣшняго ректора Томской семинаріи, и преподавателей М. В. Миролубова и Л. К. Соловьева, проводы архіепископа Антонія и похороны досточтимаго протоіерея П. Д. Головина краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ. Предполагалось чествовать и о. арх. Николая, по крайней мѣрѣ въ шестомъ классѣ часто бесѣдовали объ этомъ. Да и какъ можно было обойти молчаніемъ потерю такой свѣтлой, симпатичной личности, какою былъ о. архимандритъ Николай въ нашемъ бѣдномъ семинарскомъ міркѣ! Въ сѣрой семинарской жизни онъ былъ настоящей „Божьей свѣчей“. Побольше бы семинаріи такихъ „Божьихъ свѣчъ“ и въ ней стало бы значительно свѣтлѣе!...

Позволю себѣ сказать два слова о дѣятельности бывшаго о. ректора на службѣ семинаріи.

Начало его управленія ею относится къ 1905-6 г.г., годамъ такъ называемаго „освободительнаго“ движенія въ Россіи и годамъ „великой семинарской разрухи“. Тревожное было время! Тревожно жила и наша Тобольская семинарія. Твердой главы у нея не было: покойный пезабвенный ректоръ П. Д. Головинъ былъ уже „не у дѣль“, хозяйство семинарское шло не важно. Огромный дефицитъ грозилъ ему крахомъ. Семинарскія массы, озлобленныя печальными послѣдствіями послѣдняго, кажись, въ исторіи семинаріи стихійнаго и безсмысленнаго, безобразнаго по своей стихійности бунта 1904 г., были настроены рѣзко оппозиціонно. Малѣйшій поводъ и—новая вспышка была неизбежна...

При такой-то неблагопріятной обстановкѣ о. ректоръ долженъ былъ начать свою тяжелую работу. Работать приходилось одному: какъ къ новому, незнакомому человѣку мы отнеслись къ нему непривѣтливо и подозрительно, недовѣрчиво; всѣ его благія начинанія встрѣчали съ нашей стороны глухой отпоръ... Такъ было до рокового октября 1905 г. Тутъ начались повсемѣстныя волненія. Къ нимъ присоединилась и наша семинарія. Тщетно о. ректоръ останавливалъ насъ отъ этого шага. Его не слушали: онъ работалъ одинъ!—

Наступилъ 1906 г., годъ пресловутыхъ семинарскихъ свободъ... Экспансивные, невыдержанные, мы не считались съ политическимъ моментомъ и часто своими крайностями ставили семинарію на край гибели... Но бодрствующая рука о. ректора отводила эту бѣду: его самоотверженные горячіе призывы, почти мольбы успокаивали страсти.

„Тяжелые дни,—говоримъ онъ,—переживаемъ мы. Вездѣ все

расплатано. Разложеніе коснулось и нашей духовной школы... Умоляю васъ исправиться... Въ противномъ случаѣ многіе изъ васъ пострадаютъ... Чтобы ни было,—добавилъ онъ,—я не боюсь ничего, не боюсь и до конца исполню свою долгъ и въ борьбѣ не уступлю!“...

1907 годъ опять взбудорожилъ семинарію. Вслѣдъ за другими она объявила бойкотъ экзаменамъ. Начались бурныя, обратившія на себя вниманіе полиціи, сходки, и опять не одобровать бы семинаріи, если бы о. ректоръ, съ опасностью для своей жизни, не остановилъ зарвавшихся...

1908 годъ... „Свободъ“ въ семинаріи не стало, но память о нихъ была еще очень свѣжа. Новое броженіе умовъ и новыя самоотверженныя увѣщанія и мольбы о. ректора...

1909-10 г.г. Внѣшняя жизнь семинаріи спокойна. Но о. ректоръ этимъ не довольствуется. Какъ истый христіанинъ, онъ зоветъ дальше, выше. Видя наше равнодушіе къ правиламъ приличія и религіознымъ обязанностямъ, онъ говоритъ: „въ подпольѣ“, у „товарищей“ обращеніе свободно, но намъ нельзя слѣдовать ихъ примѣру... Такое отношеніе къ приличіямъ настанетъ въ далекомъ будущемъ да еще настанетъ-ли, а теперь намъ необходимо считаться съ господствующими взглядами на образъ отношеній къ людямъ разныхъ положеній... Ваше поведеніе исправилось въ сравненіи съ „славнымъ“ 1905 годомъ, но, господа, у васъ поражающее равнодушіе къ религіознымъ обязанностямъ: стоя въ церкви, вы далеки отъ нея душой; рѣдко осѣняете себя крестнымъ знаменіемъ. Это типичное явленіе послѣдняго времени, это крестоборная ересь!... Что вы исправились, это хорошо. Но человекъ христіанинъ не можетъ стоять на мертвой точкѣ... Исправьтесь еще, не слѣдуйте принципу „подполья“: нѣтъ Бога, нѣтъ господина!... я усовѣщаваю васъ не изъ боязни высшаго начальства... Мнѣ и такъ досталось... Нѣтъ, мнѣ хочется сдѣлать изъ васъ достойныхъ пастырей, тѣхъ семинаристовъ, что пошли на Алтай съ проповѣдью евангелія“!...

Кого не заставятъ задуматься эти огненные слова!

Исправляя наше отношеніе къ приличіямъ и религіознымъ обязанностямъ, о. ректоръ постоянно боролся и съ нашей чрезмѣрной привязанностью къ мірскимъ увеселеніямъ и, къ чести нашей, успѣвалъ въ этомъ: два раза мы отказывались отъ устройства „вечеровъ“ на масляницѣ и посылали ассигнованныя на нихъ деньги голодающимъ...

Оберегая внѣшнее спокойствіе семинаріи и направляя по правой стезѣ нашу духовную жизнь, о. ректоръ зорко слѣдилъ и за нашими матеріальными нуждами. Въ любой часъ каждый нуждающійся смѣло шелъ къ нему и почти всегда получалъ просимое. И

чего только ни просили! Галоши, очки, брюки, шубы, прогонные деньги!

Пишущему эти строки приходилось обращаться за ссудой въ 50 к. и 12 рублей, и въ оба раза о. ректоръ одинаково серьезно отнесся къ моимъ прошеніямъ и удовлетворилъ ихъ. Какъ близко къ сердцу принималъ о. ректоръ наши нужды, объ этомъ говоритъ слѣдующій немного курьезный случай: напившійся по случаю перваго мая (1906 г.) буфетчикъ казеннаго корпуса пролилъ котелъ со щами. Очередной дежурный по кухнѣ пришелъ въ ужасъ; чѣмъ было кормить проголодавшихся воспитанниковъ!

Изъ бѣды выручилъ о. ректоръ, отдавъ для приготовленія „окрошки“ весь запасъ имѣвшейся у него смѣтаны!...

Не могу умолчать о преподавательской дѣятельности о. ректора.

За долгій семинарскій курсъ мнѣ пришлось слушать у него Священное Писаніе, обличительное богословіе, гомилетику, а мелко-комъ и другія науки, и всегда о. ректоръ чувствовалъ себя хозяиномъ положенія, всегда былъ въ курсѣ дѣла, всегда старался помимо программы дать что-либо новое, полезное, необходимое, интересное. По гомилетикѣ о. ректоръ добился прямо таки чудеснаго. Въ 1906/7 г.г. проповѣдничество въ семинаріи было въ самомъ плачевномъ состояніи: воспитанники пренебрежительно относились къ нему и лишь нѣкоторые изъявили желаніе проповѣдывать въ Знаменскомъ монастырѣ и то лишь въ великій постъ; въ 1908-9 г.г. проповѣдывали все время и большинство, а въ 1910 г.—всѣ безъ исключенія! Но особенно хорошо преподавалъ о. ректоръ Священное Писаніе въ VI-мъ классѣ. Какъ горячо относился онъ къ этому дѣлу! Сколько времени отдавалъ ему! Какъ, сверхъ программы, старался научить насъ борьбѣ съ сектантами ихъ же оружіемъ Новозавѣтнымъ Писаніемъ! Какъ сильно огорчался нашимъ незнаніемъ!

Неусыпно слѣдилъ о. ректоръ и за нашими письменными работами. Ни одно сочиненіе не проходило мимо его рукъ. Слабыхъ авторовъ онъ отечески журилъ, хорошихъ ободрялъ, но въ то же время предостерегалъ отъ злоупотребленій фразою, тенденціозности, подражанія такимъ писателямъ, какъ бывшій священникъ Гр. С. Петровъ или бывшій архимандритъ Михаилъ (Семеновъ).

Вспоминается трогательное добродушіе о. ректора, его привѣтливость и простота въ обращеніи и отзывчивость къ горестямъ и бѣдамъ своихъ воспитанниковъ.

Когда мои шансы на назначеніе въ академію одно время колебались, о. ректоръ призвалъ меня къ себѣ, ободрилъ, утѣшилъ,

обѣщаль выхлопотать пособіе для поѣздки волонтеромъ, снабдилъ цѣнными пособіями изъ личной библіотеки. Или другой случай. 13-го іюня 1910 г. въ семинаріи окончились выпускные экзамены. Пароходъ же, на которомъ можно было уѣхать изъ Тобольска, долженъ былъ прійти не ранѣе 22-го іюня. Создалось незавидное положеніе: до прихода парохода 9 дней, а въ семинарскомъ общежитіе столъ закрыли! Попелъ къ о. ректору, и онъ разрѣшилъ выдавать мнѣ, окончившему семинарію и потому постороннему для нея уже человѣку, по 25 к. „на прокормъ“.

О себѣ о. ректоръ не заботился почти нисколько,—всѣ его помыслы были съ нами и нашей семинаріей.

Когда ревизія семинаріи (въ 1907 г.), повлекшая за собой отнятіе у насъ „свободъ“ и увольненіе инспектора свящ. Д. А. Матвѣева, сильно повредила служебной карьерѣ о. ректора, въ горькомъ словѣ своемъ онъ лишь мелькомъ упомянулъ о себѣ. „Господа,—глубоко взволнованнымъ голосомъ сказалъ онъ,—вы злоупотребили данными вамъ свободами, и это повлекло за собой отнятіе у васъ этихъ свободъ и увольненіе о. Димитрія. Вы—косвенная причина его увольненія! На вашей совѣсти лежитъ это! И моя карьера теперь разбита: быть можетъ, меня удалятъ въ монастырь... но я благодушно снесу этотъ крестъ... васъ же прошу исправиться“...

Вотъ какова была шестилѣтняя дѣятельность этого дивнаго человѣка на пользу Тобольской семинаріи!

И ужели мы, ея питомцы, ничѣмъ не отозвались бы на его уходъ?! Нѣтъ, мы сумѣли бы отблагодарить своего добраго генія и печальника за наши интересы, отдавшаго намъ лучшія свои силы и здоровье и научившаго насъ любить родную семинарію.

Каждый изъ насъ,—присутствуя онъ при уходѣ о. ректора изъ семинаріи,—сказалъ бы ему отъ всего сердца: *честь и слава Вамъ и спасибо великое, нашъ добрый ректоръ-отецъ!*

Питомецъ бывшаго рек. сем., архим. Николая,
студентъ Казанской дух. академіи, *Егоръ Симоновъ.*

Post scriptum.

Дѣятельность бывшаго о. ректора на пользу Тобольской семинаріи безъ сомнѣнія найдетъ своего историка, который ярко и всесторонне освѣтитъ ее. Настоящее мое немудрое слово пусть будетъ одной изъ первыхъ „ласточекъ“ на этомъ пути!...
